

Р.В. ДОЛГИЛЕВИЧ

“МАЛЫЙ БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС” 1965 года

В годы “холодной войны” Западный Берлин был важным участком противостояния между Востоком и Западом. Первый берлинский кризис 1948–1949 гг. таил в себе серьезную угрозу возникновения третьей мировой войны. Второй берлинский кризис 1958–1962 гг. также привел к резкому обострению международной напряженности. После его завершения обстановка вокруг Западного Берлина стала спокойнее. Хотя город продолжал оставаться очагом “холодной войны” и время от времени вокруг него происходили вспышки международной напряженности. Ситуация изменилась к лучшему только после того, как 3 сентября 1971 г. СССР, США, Англия и Франция подписали четырехстороннее соглашение, урегулировавшее вопросы, которые относились к западным секторам Берлина.

В статье предпринимается попытка осветить причины, ход и последствия одной из вспышек напряженности вокруг Западного Берлина, связанной с проведением в городе 7 апреля 1965 г. пленарной сессии бундстага ФРГ. Эти события в средствах массовой информации западных держав и ФРГ получили название “малого берлинского кризиса”. Хронологические рамки статьи ограничены первой половиной 1965 г. – от первых заявлений о предстоящем заседании бундстага в Западном Берлине до завершения обмена нотами СССР с западными державами по этому вопросу в июне 1965 г.

В советской историографии вопрос об апрельских событиях 1965 г. в Западном Берлине и вокруг него специально не рассматривался. О них лишь бегло упоминалось в монографии советского дипломата В.Н. Белецкого (псевдоним “Высоцкий”), в исследовании Г. Кириллова и Ю. Ржевского и в книге посла СССР в ГДР в 1962–1971 и 1975–1983 гг. П.А. Абрасимова¹. Нет работ по этой теме и в современной отечественной историографии, хотя интерес российских историков к берлинской проблематике в последнее время значительно возрос².

Долгилевич Ростислав Владимирович – кандидат исторических наук, профессор Московского института государственного и корпоративного управления.

¹ *Высоцкий В.Н.* Западный Берлин и его место в системе современных международных отношений. М., 1971; *Кириллов Г., Ржевский Ю.* Важный фактор разрядки в Европе. М., 1978; *Абрасимов П.А.* Западный Берлин вчера и сегодня. М., 1980.

² *Фурсенко А.А.* Как была построена “берлинская стена”. – Исторические записки, 2001, № 4; *Филитов А.М.* Советский Союз и “новая восточная политика” ФРГ. – Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы. М., 2003; *его же.* Германия в советском внешнеполитическом планировании 1941–1990. М., 2009; *его же.* Берлинский кризис 1948–1949 годов в документах сборника “СССР и германский вопрос”. – Новая и новейшая история, 2013, № 5; *Новик Ф.И.* СССР и начало берлинского кризиса в 1958 году. – Россия и Германия, вып. 3. М., 2004; *Беспалов В.А.* Проблема западноберлинского транзита в отечественной и зарубежной историографии. – Проблемы источниковедения и историографии, вып. 5. Калининград, 2009; *его же.* Формирование западноберлинского транзита – упущенные возможности западных союзников. – Проблемы национальной стратегии, 2013, № 5; *Загоруйко М.А.* Н.С. Хрушев и мотивы ноябрьского ультиматума 1958 года. – Власть, общество и личность в истории. М., 2010; *Долгилевич Р.В.* Вопрос о статусе Берлина. 1944–1990 годы. – Новая и новейшая история, 2011, № 3; *его же.* Советская дипломатия и Западный Берлин (1963–1964 гг.). СПб., 2012; *его же.* Становление и развитие прямых связей между СССР и Западным Берлином (1963–1964 гг.). СПб., 2013.

В ГДР также не было специальных исследований, посвященных “малому берлинскому кризису” 1965 г., который лишь вскользь упоминался в монографии Г. Кайдерлинга и П. Штульца и статьях Кайдерлинга³. Об апрельских событиях 1965 г. кратко сказано в некоторых работах польских авторов 1970-х годов⁴.

В работах немецких историков, опубликованных в ФРГ во второй половине 1960-х – 1970-е годы, апрельские события 1965 г. если и упоминались, то лишь в контексте характеристики политики СССР в берлинских делах и роли, которую в них играла ГДР⁵. В этих работах преобладал тезис о том, что СССР с середины 1960-х годов предпочитал действовать за кулисами, выдвигая ГДР на первый план. Руководство ГДР, в свою очередь, не только не отказывалось от предлагавшихся ему первых ролей в “берлинском спектакле”, но и вынашивало собственные далеко идущие планы.

Из новых работ немецких историков, изданных после объединения Германии, ближе всего к рассматриваемому вопросу стоит книга С. Алиша “Берлинская политика СЕПГ от возведения до падения стены”⁶. Автор осуждает политику СССР и ГДР, считая ее основной причиной продолжавшихся трений и осложнений вокруг Западного Берлина. Вызывает интерес также работа Г. Кунце, в которой исследуется вопрос о контактах и переговорах “между землей Берлин и ГДР” в 1949–1989 гг.⁷

Статья написана на основе документов Архива внешней политики Российской Федерации (АПРФ), которые впервые вводятся автором в научный оборот. В фонде 742 этого архива собраны донесения референтуры по ГДР в Министерство иностранных дел (МИД) СССР, а в фонде 166 – справочные материалы советского посольства в ГДР⁸. В фонде 56-б хранятся донесения ТАСС по Западному Берлину. Научная ценность этих материалов заключается в том, что они позволяют не только выяснить ход развития событий, но и определить, как эти события воспринимались советскими дипломатами и на основании какой информации формировалась позиция МИД СССР в берлинских делах.

В статье также использованы подготовленный Третьим европейским отделом МИД СССР и предназначавшийся для служебного пользования сборник документов по вопросам отношений СССР с ГДР и ФРГ и германской проблематике⁹; изданный в ГДР Институтом международных отношений Академии им. В. Ульябрихта сборник документов “Западноберлинский вопрос”¹⁰; периодическая печать СССР, ГДР, ФРГ и Западного Берлина.

³ Keiderling G. Das prolongierte Dilemma. Zur Situation und Perspektive Westberlins nach dem 13. August 1961. – Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, 1968, № 1; Keiderling G., Stulz P. Berlin 1945–1968. Zur Geschichte der Hauptstadt der DDR und der selbständigen politischen Einheit Westberlin. Berlin, 1970; Keiderling G. Die Westberlinfrage in der neueren imperialistischen Geschichtsschreibung. – Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1976, № 1; Кайдерлинг Г., Штульц П. Берлин 1945–1975. М., 1976.

⁴ Tycner W. Berlin Zachodni. Warszawa, 1972; Pastusiak L. Amerykanie w Berlinie Zachodnim. Polityka Stanow Zjednoczonych wobec Berlina Zachodniego. Warszawa, 1972.

⁵ Deuerlein E. Deutschland 1963–1970 und völkerrechtliche Aspekte der Berlin-Regelung. Frankfurt a. M., 1972; Herzfeld H. Berlin in der Weltpolitik 1945–1970. (West) Berlin – New York, 1973; Mahnke D. Berlin im geteilten Deutschland. München – Wien, 1973; Grosser A. Geschichte Deutschlands seit 1945: eine Bilanz. München, 1974; Hilgruber A. Deutsche Geschichte 1945–1972. Die “deutsche Frage” in der Weltpolitik. Frankfurt a. M., 1974.

⁶ Alisch S. Die Berlin-Politik der SED zwischen Bau und Fall der Mauer. München, 2004.

⁷ Kunze G. Grenzerfahrungen. Kontakte und Verhandlungen zwischen dem Land Berlin und der DDR 1949–1989. Berlin, 1999.

⁸ Западный Берлин относился к сфере компетенции посольства СССР в ГДР.

⁹ Министерство иностранных дел СССР. Третий европейский отдел. Историко-дипломатическое управление. Сборник основных документов по вопросам отношений СССР с ГДР и ФРГ и германской проблематике 1964–1966 (далее – Сборник основных документов). М., 1968.

¹⁰ Die Westberlinfrage. Dokumentation. Potsdam – Babelsberg, 1971.

ПРЕДЫСТОРИЯ “МАЛОГО БЕРЛИНСКОГО КРИЗИСА”

Еще в 1963 г., когда Первым секретарем ЦК КПСС и председателем Совета Министров СССР был Н.С. Хрущев, начался процесс отхода советского руководства от проекта “Вольный город Западный Берлин” и перехода к концепции, согласно которой Западный Берлин представляет собой самостоятельную политическую единицу. Этот процесс завершился подписанием Договора о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве между СССР и ГДР от 12 июня 1964 г., 6 статья которого гласила, что “Высокие договаривающиеся стороны будут рассматривать Западный Берлин как самостоятельную единицу”¹¹.

Вместе с тем ни Хрущев, ни другие советские руководители не могли признать, что проект “Вольного города Западный Берлин” похоронен. Нужно было постепенно отходить от этого проекта, все реже упоминая о нем. От советской дипломатии требовалась виртуозная игра: нужно было сохранить лицо – ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы у международного общественного мнения сложилось впечатление, будто бы СССР потерпел в Берлине серьезное внешнеполитическое поражение. Становилось все яснее, что если проект “вольного города” был направлен против присутствия США, Англии и Франции в Западном Берлине, то новая советская доктрина – против присутствия ФРГ в городе. Это частично снимало противоречия между СССР и тремя державами в главном вопросе – быть или не быть их войскам в Западном Берлине, но неизбежно порождало новые трудности в отношениях с ФРГ. В Бонне хорошо понимали, что борьба с интеграцией Западного Берлина в состав ФРГ – это теперь главная задача Москвы на берлинском участке дипломатического противостояния Востока с Западом. Однако понимание боннским правительством канцлера Л. Эрхарда целей СССР в Западном Берлине не стало тормозом на пути интеграции города в экономическую, финансовую и правовую систему ФРГ.

Отставка Н.С. Хрущева и приход к власти в Кремле Л.И. Брежнева не привели к немедленной и кардинальной перемене курса СССР в западноберлинском вопросе, хотя этот курс стал более сбалансированным и уравновешенным. Но острие копья советской политики в берлинских делах было направлено, как и в последние месяцы “позднего Хрущева”, против федерального присутствия в Западном Берлине. Правительство Эрхарда, наоборот, стремилось расширить это присутствие везде, где только было возможно. Три западные державы, в целом одобряя курс ФРГ в берлинских делах, проявляли сдержанность и осторожность, заботясь прежде всего о собственных позициях в Западном Берлине. Они воздерживались от любых шагов, которые могли бы поставить под вопрос правовые основы их пребывания в городе. Поэтому “чрезмерная интеграция” Западного Берлина в состав ФРГ, как и “чрезмерное присутствие” ФРГ в городе, вряд ли могли стать реальностью. Вопрос, однако, заключался в том, где проходила допустимая граница интеграции Западного Берлина в ФРГ и присутствия Западной Германии в Западном Берлине и кто имел право эту границу определять.

Таково было положение дел к 1965 г. Новые советские руководители, пришедшие к власти в середине октября 1964 г., редко говорили о Западном Берлине. Что касается Брежнева, то он возглавлял советскую партийно-правительственную делегацию на торжествах, посвященных 15-й годовщине образования ГДР. Выступая с большой речью на торжественном заседании, состоявшемся в Берлине 6 октября 1964 г., за неделю с небольшим до его избрания Первым секретарем ЦК КПСС, Брежнев в традиционном для советского руководства стиле заявил, что существующие на немецкой земле противоречия можно разрешить “только одним путем – заключить германский мирный договор и нормализовать на его основе положение в Западном Берлине”¹².

Брежнев упомянул о проблеме Западного Берлина и в другом контексте. “Реваншистские силы Западной Германии, – сказал он, – до сих пор не могут переварить

¹¹ СССР – ГДР 30 лет отношений. Документы и материалы. М., 1981, с. 122.

¹² Правда, 7.X.1964.

события 13 августа 1961 г. – того дня, когда ГДР взяла под охрану свою границу с Западным Берлином. Говорят даже, что после этих событий суеверные люди на Западе почувствовали еще больший страх перед числом 13. Ну, а для трудящихся ГДР и всех ее друзей – это счастливая дата. В этот день всему миру, даже тем, кто пытался встать спиной к действительности, стало ясно: Германская Демократическая Республика – хозяин в своем доме и, как каждое суверенное государство, имеет право оберегать свои границы”¹³.

Такой экскурс в недавнее прошлое понадобился, вероятно, для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что ГДР не только суверенное государство, но и равноправный партнер на международной арене. Это подтверждается словами Брежнева: “Советский Союз полностью поддерживает выдвинутую ГДР программу нормализации отношений между двумя германскими государствами. Согласие между немцами не только необходимо, но и возможно. Это доказывает и недавно достигнутая между правительством ГДР и сенатом Западного Берлина договоренность о пропусках для жителей Западного Берлина¹⁴, желающих посетить своих родственников в столице ГДР”¹⁵. Слова Брежнева можно было оценить либо как дежурную фразу, либо как подтверждение неизменности курса СССР в берлинских и германских делах в целом. Во всяком случае, в них не было ничего такого, что свидетельствовало бы о тайных замыслах или намерении СССР перейти в “политическое наступление” в Берлине. После этого выступления Брежнев почти полгода, вплоть до апреля 1965 г., в своих публичных выступлениях не затрагивал западноберлинский вопрос.

Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин впервые после назначения на этот пост упомянул о Западном Берлине только 1 марта 1965 г. В речи на приеме, устроенном в Лейпциге послом СССР в ГДР, он сказал: “ГДР твердо стоит на позициях скорейшего осуществления германского мирного урегулирования и нормализации положения в Западном Берлине. Эти усилия высоко оцениваются другими народами и встречают с их стороны активную поддержку”¹⁶. На первый взгляд казалось, что это дежурная фраза, перекочевавшая в 1965 г. из времен Хрущева. Но это было не совсем так. Косыгин говорил о германском мирном урегулировании и нормализации положения в Западном Берлине, а не о нормализации положения в городе “на основе германского мирного урегулирования”. Это не было случайностью или словесной эквилибристикой. Формулировка Косыгина позволяла предположить, что нормализация положения в Западном Берлине и вокруг него возможна и не “на основе” германского мирного урегулирования, под которым в то время подразумевалось уже заключение мирного договора только ГДР с СССР и другими социалистическими государствами.

В официальных документах МИД СССР конца 1964 – начала 1965 г. Западный Берлин упоминался редко; принципиальных изменений в изложении советской позиции по Берлину не было. В идентичных по содержанию нотах МИД СССР от 31 декабря 1964 г., направленных посольствам США и Англии в Москве, содержалась стандартная фраза о “несостоятельности и неправомерности притязаний ФРГ распространять действие (заключаемых ею. – *Р.Д.*) международных соглашений на Западный Берлин, который является фактически отдельной политической единицей и никогда не входил и не входит в состав ФРГ”. Политика ФРГ в отношении Западного Берлина характеризовалась как “опасный реваншистский курс”¹⁷.

Показательно и то обстоятельство, что в коммюнике совещания Политического консультативного комитета государств – участников Варшавского договора, состоявшегося 19–20 января 1965 г., выражалась поддержка усилиям, направленным на до-

¹³ Там же.

¹⁴ Имелась в виду договоренность от 24 сентября 1964 г. между правительством ГДР и сенатом Западного Берлина о посещениях западноберлинцами столицы ГДР.

¹⁵ Правда, 7.X.1964.

¹⁶ Сборник основных документов, с. 276.

¹⁷ Там же, с. 257.

стижение германского мирного урегулирования, но о Западном Берлине не говорилось ни слова¹⁸.

Отсюда делался вывод, что в берлинских делах советская дипломатия взяла тайм-аут. Если это и так, то длился он недолго. 15 марта 1965 г. в Бонне было объявлено, что власти ФРГ намечают провести 7 апреля 1965 г. в Западном Берлине пленарное заседание бундестага, а также заседания его комитетов и фракций. Советское посольство в ГДР еще до этого обладало информацией о возможности проведения такой акции. В архивном фонде посольства собрано значительное количество материалов, преимущественно средств массовой информации ФРГ, позволяющих восстановить картину подготовки заседания бундестага и контрмер СССР и ГДР¹⁹.

Ранее бундестаг с разрешения западных держав четырежды собирался в Западном Берлине (в октябре 1955, 1956, 1957 и 1958 гг.). Трижды в Западном Берлине проводились выборы президента ФРГ (в 1954 г. переизбрание Т. Хейса, в 1959 г. – избрание Г. Любке, в 1964 г. – переизбрание Любке). В городе регулярно проводились заседания комитетов и правлений фракций бундестага, правящий бургомистр Западного Берлина в качестве члена бундесрата эпизодически осуществлял обязанности главы государства. В 1959 г. западноберлинским депутатам было предоставлено право голосования на федеральных собраниях по выборам президента ФРГ. Пребывание федерального президента в Западном Берлине стало регулярным и его начали считать привычным. Обыденным явлением стали и визиты на берега Шпрее канцлера ФРГ²⁰.

В течение многих лет руководство В. Ульбрихта мирилось с заседаниями бундестага в Западном Берлине, не возражая против них или ограничиваясь бумажными протестами. Более того, в 1955 г., когда бундестаг впервые собрался в этом городе, центральный орган СЕПГ газета “Нойес Дойчланд” писала: “Мы приветствуем, что депутаты бундестага, наконец, нашли путь в Берлин”²¹. Однако в январе 1958 г. ведущий специалист по государственному праву ГДР Г. Крёгер²², которого считали рупором Ульбрихта, заявил, что весь Берлин уже с 1945 г. “входил в состав советской зоны оккупации”²³. Вслед за ним эту же точку зрения выразили ученые из ГДР Г. Лингер, Г. Манншатц, Х. Берч²⁴.

СССР до 1964 г. не столь активно протестовал против проведения заседаний бундестага ФРГ в Западном Берлине. Когда руководство ФРГ предприняло попытку провести такое заседание в мае 1963 г., советская дипломатия не прибегла к сверхжестким протестам. В этом и не было необходимости: три западные державы высказались против планов западногерманского руководства. На совещании президента бундестага Э. Герстенмайера с лидерами парламентских фракций, состоявшемся 26 апреля 1963 г., было решено отказаться от проведения в ближайшее время заседания бундестага в Западном Берлине²⁵. По мнению второго секретаря советского посольства в ФРГ Л.Г. Усыченко, который обобщил комментарии западногерманской печати по этому вопросу, действия Вашингтона объяснялись тем, что “США в настоящий

¹⁸ Правда, 22.I.1965.

¹⁹ Архив внешней политики МИД РФ (далее – АВП РФ), ф. 166, оп. 16, д. 179, п. 83.

²⁰ Там же, л. 22.

²¹ Там же, л. 23.

²² Герберт Крёгер – дипломированный юрист, член НСДАП и обершарфюрер СС. После возвращения из советского плена в 1948 г. – декан юридического факультета и профессор Академии руководящих кадров ГДР, депутат Народной палаты ГДР в 1950–1963 гг., юридический советник ЦК СЕПГ. Многолетний ректор Академии государства и права ГДР. – *Der Spiegel*, 14.IV.1965; *Kappelt O.* Braunschweig DDR. West-Berlin, 1981.

²³ АВП РФ, ф. 166, оп. 16, д. 179, п. 83, л. 23.

²⁴ *Linger G.* Die widerrechtliche Besatzung Westberlins. – *Deutsche Aussenpolitik*, 1959, № 3; *Mannschatz G.* Friedensvertrag und Westberlin-Frage. Berlin, 1961; *Bertsch H.* Von Potsdam zum Friedensvertrag. Berlin, 1961; *Herger G.* Berlin war keine fünfte Besatzungszone. – *Staat und Recht*, 1962, № 1.

²⁵ АВП РФ, ф. 742, оп. 8, д. 15, п. 26, л. 95.

момент не желают осложнять отношения с Советским Союзом в германских делах”²⁶. Советская дипломатия по праву могла рассматривать это как свой локальный успех.

Вместе с тем Советскому Союзу не удалось воспрепятствовать проведению в Западном Берлине 1 июля 1964 г. выборов президента ФРГ, хотя правительство СССР не раз протестовало против этого. Так, в советских нотах правительствам трех западных держав от 25 июня 1964 г. содержался самый жесткий вариант стандартных обвинений ФРГ в реваншизме и стремлении к ревизии итогов Второй мировой войны. Правительство СССР напоминало, что оно взяло на себя обязательства по обеспечению безопасности границ ГДР. Советское правительство предупредило западные державы, что они, поддерживая действия ФРГ в Западном Берлине, берут на себя ответственность за вытекающие из этого последствия²⁷. Но каких-либо практических шагов, направленных против проведения выборов президента ФРГ в Западном Берлине, Советский Союз не предпринял. СССР, вероятно, учитывал, что в течение 6 лет – с 1959 и по 1964 г. – пленарные заседания бундестага в Западном Берлине не проводились. Бонн, как отмечалось в одном из документов, хранящихся в фонде советского посольства в ГДР, “вел себя тихо”²⁸. В средствах массовой информации ФРГ высказывалось мнение, что в годы второго берлинского кризиса у федерального правительства не было права на риск, и оно это хорошо понимало. Созыв пленарного заседания бундестага в Западном Берлине в условиях острого международного кризиса неизбежно подлил бы масла в огонь: последствия такого шага были бы непредсказуемы. Лучше было пойти в этом вопросе на своего рода временное, пусть даже негласное и неофициальное, “перемирие”.

ПРИЧИНЫ И ХОД “МАЛОГО КРИЗИСА”

7 апреля 1965 г. после более чем шестилетнего перерыва западногерманским правящим кругам с согласия трех западных держав удалось провести в Западном Берлине пленарное заседание бундестага и заседание кабинета министров ФРГ. Что же изменилось в политической атмосфере в Бонне и на берегах Шпрее?

В ФРГ пришли к выводу, что к 1965 г. в обстановке вокруг Западного Берлина произошли перемены, позволявшие отказаться от временного “перемирия” и решительно продемонстрировать масштабы и характер федерального присутствия в городе. Это и стало главной причиной “малого берлинского кризиса”. Советский Союз не был зачинщиком дипломатического конфликта. Однако ответные действия СССР имели не только оборонительный, но и контрнаступательный характер. Советское дипломатическое контрнаступление, подкрепленное демонстрацией военной силы, было впечатляющим и мощным.

Посольство СССР в ФРГ считало, что, добиваясь проведения пленарного заседания бундестага в Западном Берлине, “правительство ФРГ стремилось подтвердить свои притязания на Западный Берлин и показать, что его цели в германском вопросе не изменились”²⁹. Кроме того, этот шаг был особенно нужен правящей в то время партии ХДС накануне новых выборов в бундестаг в связи с отказом западных союзников поддержать “инициативу” Боннской республики в германском вопросе и внешнеполитическим скандалом ФРГ на Ближнем Востоке³⁰. “Проведение заседания, –

²⁶ Там же, л. 97.

²⁷ Сборник основных документов, с. 142–143.

²⁸ АВП РФ, ф. 166, оп. 16, д. 179, п. 83, л. 23.

²⁹ Информация посольства СССР в ФРГ “К проведению пленарного заседания бундестага в Западном Берлине”, подготовленная вторым секретарем посольства Ю. Бармичевым и направленная в МИД 22.IV.1965 г. – Там же, ф. 742, оп. 10, д. 35, п. 36, л. 11.

³⁰ В начале 1965 г. разразился громкий политический скандал, связанный с тайными поставками ФРГ оружия Израилю. Президент Египта Г.А. Насер пригрозил Бонну дипломатическим признанием ГДР. 17 февраля 1965 г. правительство ФРГ приостановило экономическое сотрудничество с Египтом, а 12 мая установило дипломатические отношения с Израилем. 13 мая

подчеркивало советское посольство, – должно было, по замыслам его инициаторов, компенсировать в глазах избирателей указанные неудачи, показать, что правительство ФРГ проводит активную политику в германских делах и одновременно нанести ущерб престижу ГДР”³¹.

По мнению советского посольства, “новая провокация” в Западном Берлине, которая неизбежно вызвала бы ответные меры со стороны СССР и ГДР, привела бы к обострению обстановки вокруг Берлина. Она “должна была вновь привлечь внимание мировой общественности к германской проблеме и подтвердить боннский тезис о том, что якобы раскол Германии является причиной напряженности в Европе и что без воссоединения страны невозможно длительное и прочное урегулирование”³². Тем самым ФРГ, вероятно, хотела оказать воздействие на своих западных союзников, которые в то время не склонны были что-либо предпринимать для изменения статус-кво в Германии. С помощью планировавшейся акции в Западном Берлине можно было ослабить усилившиеся в ФРГ настроения в пользу нормализации отношений с ГДР и тем самым “разрыхлить” позиции СДПГ на предстоящих выборах: социал-демократы выступали за политику “малых шагов” по отношению к Восточному Берлину.

Можно согласиться с выводом советского посольства в ФРГ, согласно которому в Бонне считали, что момент для акции в Западном Берлине выбран удачно и “намеченная авантюра не грозит слишком большим риском, поскольку Советский Союз якобы переживает большие экономические и внутривластные трудности и серьезно связан с событиями во Вьетнаме”³³.

События, судя по материалам фонда посольства СССР в ГДР, развивались следующим образом. В январе 1965 г. в Западном Берлине находилось большинство депутатов бундестага, принимавших участие в заседаниях его многочисленных комитетов. 12 января 1965 г. лидер партии свободных демократов Э. Менде поручил депутату от СвДП М. Мертесу выступить на заседании совета старейшин бундестага и развернуть там “знамя верности Берлину” – призвать собравшихся в городе депутатов провести пленарное заседание бундестага. Мертес свою миссию выполнил³⁴.

Руководители ХДС/ХСС и СДПГ были недовольны “пропагандистским путчем” СвДП и отказались от немедленного созыва сессии бундестага, но в дальнейшем они последовали за призывом, который уже был брошен свободными демократами³⁵. Это, однако, не значит, что главная роль в организации и проведении заседания бундестага в Западном Берлине принадлежит СвДП; первую скрипку здесь играло руководство ХДС/ХСС.

26 февраля 1965 г. президент бундестага ФРГ Э. Герстенмайер пригласил на обед в свою квартиру в Бад-Годесберге послов США, Англии и Франции – Д. Макги, Ф. Робертса и Ф. Сейду. На обеде Герстенмайер, по выражению одного из парламентариев ФРГ, “нотифицировал” союзникам намерение созвать весной в Западном Берлине пленарное заседание бундестага. “Видя отчасти непроницаемые, отчасти удивленные лица своих собеседников, Герстенмайер выложил на стол свои главные козыри: в конце концов, он всегда был лоялен по отношению к берлинским державам-покровительницам. Доказательством тому является то, что он в январе занял отрицательную позицию по отношению к предложению, внесенному СвДП”³⁶.

Наиболее благоприятную для Герстенмайера позицию занял британский посол в Бонне Робертс. “Правительство Ее Величества, – заявил он, – ничего не имеет против

арабские государства, за исключением Марокко, Туниса и Ливии, разорвали дипломатические отношения с ФРГ.

³¹ АВП РФ, ф. 742, оп. 10, д. 35, п. 36, л. 11.

³² Там же.

³³ Там же, л. 12.

³⁴ Там же, ф. 166, оп. 16, д. 179, п. 83, л. 23.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, л. 24.

созыва бундестага в Берлине”³⁷. Западногерманские и западноберлинские средства массовой информации объясняли это тем, что Англия “голодала по западногерманской валюте”.

Послы США и Франции – Макги и Сейду – по-прежнему предостерегали президента бундестага от возможных последствий планировавшейся акции, однако “делали это слабее, чем раньше”. С другой стороны, решимость Герстенмайера не слушать никаких предостережений была сильна, как никогда. Правда, он обещал своим собеседникам провести обычное заседание, не расставляя политические акценты и вообще не затрагивая острые темы, относящиеся к берлинской проблематике³⁸.

Это обещание Герстенмайера стало накануне заседания бундестага в Западном Берлине исходным пунктом пререканий между правительством ФРГ и правящим бургомистром города В. Брандтом, причем их полемика неожиданно обрела форму протокольных разногласий. Изменив свои планы, канцлер Эрхард прилетел в западноберлинский аэропорт Темпельгоф не утром согласованного дня, а накануне вечером. Брандт, занятый в это время другими делами, послал в аэропорт встречать канцлера сенатора по делам федерации К. Шютца. Эрхард был возмущен. Его возмущение усилилось, когда Шютц на встречу в аэропорту надел светлое пальто, которое, по мнению канцлера, не соответствовало протоколу. Эрхард отклонил также просьбу Брандта на следующий день рука об руку войти в зал заседаний Конгресс-халле³⁹.

Сорвалась и вторая запланированная Брандтом демонстрация единодушия Западного Берлина и Бонна. Брандт хотел сделать на пленарном заседании в качестве члена бундесрата заявление о положении в Берлине. Герстенмайер сорвал этот план Брандта, ссылаясь на свое обещание трем послам. Президент бундестага заявил, что если Брандт будет настаивать на своем намерении, то он, Герстенмайер, откажется от своего вступительного слова. Перед лицом такой перспективы Брандт уступил⁴⁰.

Еще до этого случая масла в огонь подлило заявление главы фракции ХДС/ХСС в бундестаге Р. Барцеля. По его словам, он обрадовался тому, что Брандт хочет выступить перед пленумом бундестага. На горизонте стала вырисовываться перспектива жаркого спора между партиями по вопросу берлинской политики⁴¹. И хотя Брандт отказался от своего первоначального намерения, обстановка накануне заседания бундестага оставалась нервной.

Но все это были “внутренние распри”. На “внешнем фронте” инициаторов заседания бундестага в Западном Берлине ожидали более серьезные осложнения. Они были связаны с контрмерами СССР и ГДР. На первом этапе, в конце марта – начале апреля 1965 г., эти контрмеры вылились преимущественно в дипломатические протесты и демарши, на втором, начиная с 5 апреля 1965 г., их характер существенно изменился – это были совместные учения Группы советских войск в Германии (ГСВГ) и Национальной народной армии (ННА) ГДР и ряд мероприятий, запрещавших или затруднявших проезд в Западный Берлин участникам заседания бундестага.

Из шагов, предпринятых СССР на первом этапе, назовем идентичные по содержанию ноты Советского правительства от 23 марта 1965 г. правительствам США, Англии и Франции, в которых подчеркивалось, что проведение заседания бундестага в Западном Берлине должно, по замыслу инициаторов этого мероприятия, подкрепить “реваншистские притязания” ФРГ на этот город.

“Преднамеренно провокационный характер указанной затеи, – отмечалось в нотах от 23 марта 1965 г., – не вызывает сомнений, поскольку Западный Берлин, как известно, никогда не входил и не выходит в состав ФРГ и всякая деятельность парламент-

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, л. 24–25.

ских и административных органов ФРГ в этом городе, расположенном вне пределов территории ФРГ, является противозаконной”⁴².

Учитывая, говорилось далее в советских нотах правительствам трех западных держав, что намеченная властями ФРГ “провокационная затея” нацелена на обострение обстановки в центре Европы, а также то обстоятельство, что она не может быть осуществлена без ведома властей США, Англии и Франции, которые осуществляют функции контроля в Западном Берлине, Советское правительство считает необходимым предупредить правительства трех держав, что “ответственность за последствия упомянутых противозаконных действий боннских властей” ляжет на Вашингтон, Лондон и Париж. Правительство СССР оставило за собой право “принять в случае необходимости такие меры, которые отвечали бы взятым им на себя обязательствам по обеспечению неприкосновенности границ Германской Демократической Республики”⁴³. В целом нота была выдержана в тонах средней жесткости, но не более того. Не исключено, что это было сделано для того, чтобы усыпить бдительность западных держав и ФРГ и не дать им повода заподозрить СССР в подготовке практических контрмер, направленных против заседания бундестага в Западном Берлине.

Этот дипломатический шаг СССР был согласован с правительством ГДР и должен был сопровождаться аналогичными действиями восточногерманского руководства. В конце марта Восточный Берлин предпринял ряд демаршей, которые, по мнению их инициаторов, должны были дискредитировать действия ФРГ в Западном Берлине. В частности, в идентичных по содержанию нотах правительства ГДР трем западным державам правительство ФРГ обвинялось в том, что своими акциями в Западном Берлине оно “активизирует реваншистскую политику ревизии итогов Второй мировой войны, которая самым серьезным образом угрожает миру и безопасности в Европе”⁴⁴.

29 марта 1965 г. председатель Совета Министров ГДР В. Штоф направил письмо правящему бургомистру Западного Берлина В. Брандту, в котором напомнил последнему, что в соответствии с соглашением о пропусках от 24 сентября 1964 г. о посещениях в оговоренные сроки западноберлинцами столицы ГДР сенат обязался запретить любую деятельность, которая направлена против беспрепятственных посещений западноберлинцами Восточного Берлина. Сенат обвинялся в том, что, “поддерживая акции холодной войны против ГДР, он нарушает взятые на себя договорные обязательства”. От имени правительства ГДР Штоф обратил внимание Брандта на то, что проведение заседания бундестага в Западном Берлине будет иметь серьезные последствия для переговоров о возможном продлении соглашения о пропусках⁴⁵. Это была угроза нанести удар по одному из самых чувствительных мест – вопрос о посещениях Восточного Берлина крайне болезненно воспринимался западноберлинской общественностью.

Не осталось в стороне и министерство иностранных дел ГДР. 29 марта 1965 г. глава министерства Л. Больц обратился с письмом к министру иностранных дел ФРГ Г. Шредеру, в котором говорилось, что проведение заседания бундестага в Западном Берлине “вызывает опасность обострения отношений между обоими германскими государствами и усиления международной напряженности”. Больц выразил решительный протест против запланированной акции и призвал Шредера “немедленно предпринять шаги с целью воспрепятствовать проведению намеченного заседания бундестага в Западном Берлине”⁴⁶.

Но это была лишь прелюдия к главным событиям. Действительно серьезные контрмеры СССР и ГДР предприняли лишь 5 апреля 1965 г., когда в районах к западу от Берлина начались крупные совместные учения ГСВГ и ННА, продолжавшиеся до 11 апреля. В ходе этих учений перекрывались коммуникации между ФРГ и Западным

⁴² Сборник основных документов, с. 291.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Die Westberlinfrage. Dokumentation, S. 316–317.

⁴⁵ Ibid., S. 318–319.

⁴⁶ Ibid., S. 320.

Берлином. Военные власти СССР под предлогом проходивших маневров возвращали при въезде на автобаны военный персонал западных держав, совершавший поездки между ФРГ и Западным Берлином. Одновременно советский контроллер в Берлинском центре воздушной безопасности отказался гарантировать на период маневров войск СССР и ГДР безопасность полетов самолетов трех держав, использовавших определенные высоты в воздушных коридорах⁴⁷.

Первые сообщения о временном перекрытии путей доступа в Западный Берлин начали поступать уже утром 5 апреля 1965 г. Корреспондент западногерманского информационного агентства ДПА сообщал, что “пограничные органы советской зоны внезапно перекрыли на межзональной автострате Берлин–Хельмштедт движение в обоих направлениях... Представители контрольных пунктов зоны объяснили этот шаг маневрами советских вооруженных сил и войск зоны поблизости Берлина”. Корреспондент ДПА подчеркивал, что эти мероприятия “совершенно очевидно направлены против заседания бундестага в Берлине”⁴⁸.

7 апреля 1965 г. корреспондент американского информационного агентства ЮПИ Дж. Флеминг отмечал, что две дивизии вооруженных сил СССР и ГДР при поддержке танков и бронемашин пехоты уже третий день подряд чинят препятствия сообщению с Западным Берлином, время от времени перекрывая автостраты, ведущие в этот город. Флеминг обвинил СССР и ГДР в том, что “они создали самые строгие после берлинской блокады 1948–1949 гг. ограничения в передвижении в Западный Берлин”. По его данным, в состав советской и восточногерманской дивизий, участвовавших в акциях на автострадах, входило около 20 тыс. солдат и офицеров, 400 танков, 500 бронемашин пехоты и 3 тыс. других машин⁴⁹.

Кульминационным пунктом контрмер СССР и ГДР стали проведенные 7 апреля 1965 г. в воздушном пространстве над Берлином учения военно-воздушных сил, в ходе которых совершались облеты здания рейхстага, где собрался бундестаг.

В совместных контрмерах СССР и ГДР важная роль отводилась политическим акциям, осуществлявшимся Восточным Берлином. 4 апреля 1965 г. восточногерманское информационное агентство АДН передало сообщение, что по распоряжению правительства ГДР на период проведения пленарных заседаний бундестага в Западном Берлине всем депутатам бундестага, а также и другим лицам, которые участвуют в проведении заседаний, запрещен проезд через ГДР в Западный Берлин и из него по шоссе и железным дорогам. В сообщении подчеркивалось, что это распоряжение издано “для обеспечения безопасности и мира, а также для охраны права” в связи с созывом бундестага в Западном Берлине, “что является грубым нарушением международного права”⁵⁰.

Блокировав проезд депутатов наземным транспортом, власти ГДР не сделали исключения даже для правящего бургомистра В. Брандта. 6 апреля 1965 г. его не пропустили в Западный Берлин, куда он направлялся из ФРГ. На следующий день газета “Нойес Дойчланд”, орган ЦК СЕПГ, посвятила этому инциденту не простую заметку, а объемную редакционную статью, озаглавленную “Так, так!”. В статье говорилось: «Вилли Брандт возвратился... в Любек, чувствуя себя страшно оскорбленным... На нашей государственной границе ему было отказано в проезде в Западный Берлин... Получив отказ в переходе границы, Брандт произнес лишь два глубокомысленных слова “Так, так!”... Мы ничего не имеем против правящего бургомистра. Известно, что мы заключаем с ним даже соглашение о пропусках. Но Брандт не только согласился на противоправное заседание бундестага, но и заявил о своем участии в нем. И если наши государственные органы пытались удержать его от этого чреватого последствиями шага, то действовали исключительно в его же собственных интересах, так как что

⁴⁷ Сборник основных документов, с. 292.

⁴⁸ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 24, д. 360, л. 979, л. 32-ВЕ.

⁴⁹ Сообщение ТАСС от 7.04.1965 г. – Там же, л. 23-ВЕ–24-ВЕ.

⁵⁰ Там же, л. 3-А.

хорошего получится для Брандта и для западноберлинцев из того, что он солидаризируется с агрессивными действиями ультра? Западный Берлин, определенно, ничего не выиграет из того, что он будет вновь превращен в опорный пункт реваншизма»⁵¹. Вряд ли объяснение этого инцидента заботой о “собственных интересах” Брандта и о благе западноберлинцев могло удовлетворить правящего бургомистра и жителей города.

Западногерманские средства массовой информации резко критиковали действия ГДР. «Контракция Восточного Берлина, – говорилось в одном из комментариев, – началась, как это и положено по марксистской доктрине, с митингов возмущения трудящихся... Вслед за “пролетарским” последовало “дипломатическое” возмущение, а затем Ульбрихт начал с помощью шлагбаумов, полицейских регулировщиков и самолетов подкапываться под основные гарантии жизнеспособности Берлина»⁵². Вместе с тем печать ФРГ широко отражала на своих страницах мнение военных властей трех держав в Западном Берлине, согласно которому «восточноберлинская акция... никогда не преследовала цель полной блокады Западного Берлина и нарушения “гарантий” его жизнеспособности. Ни разу за всю кампанию одновременно не закрывались все дороги в Берлин. Препятствия воздушному движению не были серьезными, а союзническому доступу по автомобильным коммуникациям – значительными»⁵³.

Что касается правительственных кругов ФРГ, то, по мнению советского посольства в Бонне, первые контрмеры – до начала совместных маневров войск СССР и ГДР – не вызвали у них особого беспокойства. Правда, эти контрмеры обсуждались на заседаниях кабинета министров и совета старейшин бундестага, а также в ходе постоянных консультаций с западными союзниками. В Бонне полагали, что “дело ограничится обычными протестами с нашей стороны, какие имели место в связи с заседаниями комиссий и фракций бундестага в прошлом, и некоторыми затруднениями в передвижении по автобанам”⁵⁴. Официальные боннские представители прямо заявляли, что с подобным развитием событий в ФРГ считались, когда вместе с западными союзниками решали вопрос о проведении пленарного заседания бундестага в Западном Берлине, но пришли к выводу, что связанный с этим определенный риск вполне оправдывается большим значением этого акта для ФРГ. Герстенмайер 4 апреля 1965 г. утверждал, что заседание бундестага состоится “в любом случае”, и давал понять, что дело не ограничится одним только пленарным заседанием. Менде также заявил, что какие бы новые препятствия ни возникли, “7 апреля бундестаг будет заседать в Берлине”⁵⁵. Эти высказывания были подкреплены широкой кампанией в средствах массовой информации, которые усиленно подчеркивали право ФРГ на проведение пленарных заседаний в Западном Берлине и указывали в этой связи, что Народная палата ГДР проводит свои заседания в Восточном Берлине.

Западногерманская печать, как сообщало советское посольство в МИД СССР, утверждала, что заседание бундестага, поскольку на нем не будут обсуждаться острые политические вопросы, не носит провокационного характера и не нарушает статус-кво в Берлине. Средства массовой информации ФРГ обвиняли ГДР в том, что она своими контрмерами стремится вызвать обострение обстановки. Одновременно политические деятели и пресса ФРГ, указывая на связь свободы передвижения между Западной Германией и Западным Берлином с нормальным функционированием механизма германо-германской торговли, стремились запугать ГДР возможными экономическими репрессиями⁵⁶.

“Однако меры с нашей стороны, принятые в период маневров, – подчеркивало советское посольство в ФРГ, – спутали карты Бонна. Они явились для правительства

⁵¹ Neues Deutschland, 7.IV.1965.

⁵² АВП РФ, ф. 166, оп. 16, д. 179, п. 83, л. 21.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, ф. 742, оп. 10, д. 35, п. 36, л. 12.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, л. 12 – 13.

ФРГ полной неожиданностью и вызвали здесь определенную растерянность”⁵⁷. Можно понять МИД ФРГ – оно не могло даже направить ноту протеста Советскому правительству, потому что федеральное правительство не имело ни малейшего отношения к четырехсторонним соглашениям, регулировавшим вопросы доступа в Западный Берлин.

Иначе реагировали на контрмеры СССР и ГДР, особенно на начавшиеся 5 апреля 1965 г. совместные учения ГСВГ и ННА, три западные державы. Сначала США, Англия и Франция не торопились отвечать на ноту Советского правительства от 23 марта 1965 г. Казалось, что они не уделили этому дипломатическому документу должного внимания. Но ситуация сразу же изменилась, как только начались учения советских и восточногерманских войск.

Уже 6 апреля 1965 г. начальнику советской военной миссии связи во Фракфурте-на-Майне были переданы идентичные по содержанию письма главнокомандующего армией США в Европе и главнокомандующих английскими и французскими войсками в ФРГ, адресованные главнокомандующему ГСВГ генералу армии П.К. Кошевому. В письме главкома американских войск в Европе генерала О’Миры обращалось внимание Кошевого на серьезность положения, создавшегося с доступом в Берлин. С утра 5 апреля, писал американский генерал, персонал союзных держав, находившийся в военных и гражданских машинах на пути между Берлином и Западной Германией, несколько раз возвращался советскими военными властями на контрольных пунктах под предлогом, что автострада закрыта из-за маневров⁵⁸.

Попытка помешать сообщению союзников с Берлином по земле и в воздухе, подчеркивал О’Мира, “представляет собой грубое нарушение прав союзников на доступ в город и является нарушением соглашений, которые существуют с конца Второй мировой войны. Я рассчитываю, что Вы немедленно положите конец препятствиям сообщению с городом Берлином и примите любые меры, которые необходимы, чтобы избежать повторения подобного... Мои власти будут считать советские власти ответственными за любые возможные последствия препятствий союзникам пользоваться доступом в Берлин как по воздуху, так и по земле”⁵⁹. В целом письмо О’Миры не отличалось особо изысканными дипломатическими формулировками, но и не содержало откровенных угроз в адрес получателя.

Кошевой ответил на письма американского, английского и французского генералов только 18 мая 1965 г., когда события, связанные с заседанием бундестага в Западном Берлине, были уже позади. Ответ главнокомандующего ГСВГ был коротким и простым: он всего лишь обратил внимание своих западных коллег на то, что “советская позиция по вопросу о незаконном проведении в Западном Берлине заседания бундестага ФРГ изложена в ноте Советского правительства правительству Соединенных Штатов Америки от 14 мая 1965 г.”⁶⁰. Письма западных генералов не возымели действия. Совместные учения войск СССР и ГДР продолжались до 11 апреля 1965 г.

7 апреля 1965 г., в день заседания бундестага в Западном Берлине, три западные державы ответили на ноту Советского правительства от 23 марта 1965 г. В ответных нотах США, Англии и Франции не столько излагалась их позиция относительно заседания бундестага, сколько выражался протест против контрмер СССР и ГДР.

Прежде всего три державы заявили, что заседания бундестага в Западном Берлине “не затрагивают особого статуса Берлина, как он определен в четырехсторонних соглашениях, и не ставят также под вопрос ответственность четырех держав за Берлин и Германию в целом. Более того, такие заседания неоднократно проводились в прошлом, не вызывая какого-либо инцидента”⁶¹.

⁵⁷ Там же, л. 13.

⁵⁸ Сборник основных документов, с. 337.

⁵⁹ Там же, с. 338.

⁶⁰ Там же, с. 337.

⁶¹ Там же, с. 291.

США, Англия и Франция отклонили обвинения в том, что ФРГ выдвигает “реваншистские притязания” на Западный Берлин, а Вашингтон, Лондон и Париж потворствуют ей в этом. В свою очередь, они упрекнули СССР в потворстве действиям восточногерманских властей, которые с 1 апреля 1965 г. неоднократно препятствовали движению на наземных путях, ведущих в Западный Берлин.

“Эти меры, предпринятые советскими и восточногерманскими властями, – подчеркивалось в ноте правительства США, – противоречат четырехсторонним соглашениям, которые определяют особый статус Берлина и устанавливают условия доступа в этот город. Они могут лишь вызвать напряженность в Европе. Правительство США ожидает, что Советское правительство немедленно положит конец помехам наземному сообщению с Берлином и примет такие меры, которые могут оказаться необходимыми для предотвращения повторения подобных случаев. Оно будет также считать Советское правительство ответственным за безопасность полетов союзных самолетов в воздушных коридорах. Такие полеты будут продолжаться в соответствии с четырехсторонними правилами по этому вопросу”⁶².

Сравнение нот западных держав с нотой Советского правительства от 23 марта 1965 г. свидетельствует о том, что наиболее острые противоречия противоборствовавших сторон были по двум принципиальным вопросам: о федеральном присутствии в Западном Берлине, включая право бундестага собираться в этом городе, и о доступе в Западный Берлин. Но действия СССР не угрожали непосредственно безопасности города и были связаны с конкретной акцией ФРГ – проведением заседания бундестага. Советским Союзом не ставился вопрос о пребывании трех держав в Берлине. Поэтому, несмотря на взаимный обмен обвинениями и предостережениями, стороны оставили открытым путь к деэскалации конфликта, вызванного апрельскими событиями в Западном Берлине и вокруг него.

Сессия бундестага была проведена поспешно, в течение одного дня – 7 апреля 1965 г. Почти половина депутатов не явилась в зал заседаний. Рев двигателей советских самолетов, пролетавших над зданием рейхстага, вряд ли вдохновлял находившихся в нем парламентариев на успешную работу. Не воодушевляло их и то, что, несмотря на приглашение, на заседании отсутствовали американский, английский и французский коменданты Западного Берлина. Открывая заседание, Герстенмайер заверил депутатов, что “право бундестага заседать в Берлине является неприкосновенным”⁶³. Но это заявление не сделало заседание бундестага более эффективным.

На вопрос о том, какой тактики будет придерживаться СССР в берлинских делах после заседания бундестага, во многом давало ответ выступление Л.И. Брежнева в Варшаве 8 апреля 1965 г. Это заседание он назвал “новой политической провокацией западногерманских реваншистов, еще одной попыткой заявить свои претензии на то, что не принадлежит ФРГ”⁶⁴.

По мнению Брежнева, федеральный канцлер Эрхард и другие инициаторы этой “парламентской экскурсии” и сами ни на минуту не надеялись приобрести хоть крупицу прав на Западный Берлин. “Они, конечно, прекрасно знают, – продолжал советский лидер, – что этот город, расположенный в центре Германской Демократической Республики, не имеет никакого отношения к ФРГ... Западногерманские политики не такие наивные люди, чтобы полагать, будто трюки, подобные заграничным выездным сессиям бундестага, могут что-то изменить в этих общеизвестных фактах”. Все это, по словам Брежнева, в Бонне понимают, но, тем не менее, “не могут удержаться от фокусов, которые ставят их же самих в нелепое положение в глазах всего мира. Видимо, реваншистский зуд – это такая болезнь, которая сильнее здравого смысла”⁶⁵.

⁶² Там же, с. 292.

⁶³ Deutscher Bundestag. 4. Wahlperiode. Stenographischer Bericht der 178. Sitzung. Berlin, 7. April 1965.

⁶⁴ Сборник основных документов, с. 298.

⁶⁵ Там же, с. 299.

Брежнев дал крайне негативную оценку общей направленности политического курса ФРГ, которую он охарактеризовал как “откровенный оплот милитаризма и реакции в Европе”. Основной смысл ее внешней политики Брежнев свел к продолжению попыток помешать разрядке напряженности и вызвать новый накал международной атмосферы. “Они видны на каждом шагу, – подчеркнул он. – Этим же целям, конечно, служат и провокационные манипуляции в отношении Западного Берлина”⁶⁶.

Что касается позиции СССР по Западному Берлину в будущем, то из слов Брежнева можно было сделать вывод, что она не изменится. “Мы предлагаем, как известно, – заявил Первый секретарь ЦК КПСС, – договориться о германском мирном урегулировании, о нормализации положения в Западном Берлине”⁶⁷. Примечательно, что Брежнев, как и Косыгин в выступлении 1 марта 1965 г., говорил не о нормализации положения в Западном Берлине на основе германского мирного урегулирования, а отдельно о мирном урегулировании и отдельно о нормализации положения в Западном Берлине. Это можно было расценивать как готовность советского руководства договориться с западными державами только по Западному Берлину, не привязывая возможную договоренность к германскому мирному урегулированию. С другой стороны, острая критика Брежневым боннского правительства говорила о том, что СССР пойдет на переговоры о такой договоренности лишь при условии внесения существенных корректив во внешнеполитический курс ФРГ⁶⁸.

Несмотря на жесткость высказываний Брежнева, многие влиятельные средства массовой информации ФРГ и западных держав положительно оценивали их общую направленность. Так, журнал “Шпигель”, например, писал: «Глава советской партии Брежнев... со всей ясностью лишил каверзную акцию Ульбрихта (попытку усиления напряженности вокруг Западного Берлина. – Р.Д.) ее остроты: “Сегодня, заявил русский лидер в Варшаве, здесь (в Европе) не существует непосредственной опасности войны”»⁶⁹. Большинство ведущих органов печати западных стран исходили из того, что СССР не будет предпринимать новых жестких мер в отношении Западного Берлина.

После завершения заседания бундстага и выступления Брежнева в Варшаве нервозность вокруг Западного Берлина начала спадать, хотя учения ГСВГ и ННА продолжались до 11 апреля 1965 г. Расчеты тех, кто ожидал дальнейшей эскалации напряженности, не оправдались.

ИТОГИ И ОЦЕНКА “МАЛОГО БЕРЛИНСКОГО КРИЗИСА”

В тот же день, когда Брежнев выразил свое отношение к событиям, происшедшим в Западном Берлине и вокруг него, с изложением своей точки зрения выступило и правительство ГДР. Первый заместитель министра иностранных дел и государственный секретарь ГДР О. Винцер заявил 8 апреля 1965 г. на заседании Государственного Совета ГДР, что “противоправный созыв бундстага в Западном Берлине не может рассматриваться в отдельности сам по себе” и что “боннское правительство систематически предпринимает попытки холодной оккупации Западного Берлина как провинции ФРГ”⁷⁰.

Введя в политический лексикон ГДР выражение “холодная оккупация” Западного Берлина Федеративной Республикой, Винцер сосредоточил свои усилия на доказатель-

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, с. 300.

⁶⁸ СССР согласился начать обмен мнениями с тремя западными державами по Западному Берлину только в июле 1969 г., когда в Бонне наметилась перспектива прихода к власти правительства В. Брандта и существенных перемен в отношениях ФРГ с социалистическими странами.

⁶⁹ Der Spiegel, 14.IV.1965.

⁷⁰ АВП РФ, ф. 166, оп. 16, д. 179, п. 83, л. 4.

стве противоправности действий ФРГ. “С правовой и географической точки зрения, – заявил он, – Берлин является столицей Германской Демократической Республики. При этом ничего не меняет и тот факт, что западные державы после раскола Германии раскололи также и Берлин, и сохранили в Западном Берлине, как и прежде, оккупационный режим. Любая ссылка на соглашение четырех держав несостоятельна, так как боннская реваншистская политика, атомное вооружение и стратегия выдвинутых рубежей противоречат духу и букве всех соглашений четырех держав, заключенных по окончании войны с Германией”⁷¹.

Винцер прокомментировал также заявление представителя государственного департамента США, который, отвечая на вопрос о правомерности заседания бундестага в Западном Берлине, сказал: “Я отвечаю да, мы (США. – *Р.Д.*) действительно дали свое согласие”. Но, по мнению Винцера, США “не имеют никаких... прав в Западном Берлине и на Западный Берлин. А тот, кто не имеет прав, не может их передавать другим”⁷².

Последняя фраза Винцера – о том, что США не имеют прав в Западном Берлине и на Западный Берлин, – звучала диссонансом в сравнении с содержанием и тоном официальных советских высказываний по берлинским делам в период “раннего Брежневца” и даже “позднего Хрущева”. В этих высказываниях речь шла не об “отсутствии прав” западных держав в Западном Берлине, а о противоправности действий ФРГ в этом городе. Они были нацелены на сведение к минимуму или даже на полное устранение присутствия ФРГ в Западном Берлине. Приведенная фраза Винцера могла быть не только проявлением различий во взглядах советского и восточногерманского руководства, но и своеобразным методом воздействия Восточного Берлина на позицию Москвы.

По мнению Винцера, созыв бундестага в Западном Берлине “был в общем направлен на то, чтобы усилить международную напряженность и, прежде всего, воспрепятствовать сближению и взаимопониманию между обоими германскими государствами”⁷³. В равной степени эта акция была направлена на то, чтобы “затруднить, если только не торпедировать, нормализацию отношений между особой территорией Западный Берлин и Германской Демократической Республикой, начало которой было положено соглашением по пропускам и его успешным осуществлением”. Заседание бундестага должно было также побудить социалистические страны к согласию с распространением на Западный Берлин торгово-экономических соглашений, заключаемых ими с ФРГ. Еще одна цель созыва бундестага на берегах Шпрее, подчеркивал Винцер, заключалась в том, чтобы продлить “холодную оккупацию Западного Берлина, создать предпосылки для учреждения второй резиденции федерального канцлера в Западном Берлине, а также легализовать и расширить нелегальный боннский административный аппарат в Западном Берлине”⁷⁴.

Выступление Винцера подводило к выводу, что все эти цели по-прежнему остаются в повестке дня боннского правительства и оно, как и раньше, будет стремиться к их реализации. Следовательно, СССР, ГДР и другие “братские страны” должны быть всегда готовы дать решительный отпор “аннексионистским посягательствам Бонна” на Западный Берлин. Вопрос о том, кто же выиграл и кто проиграл в результате апрельских событий 1965 г., Винцером прямо не ставился. Но подтекст его выступления читался легко: это было фиаско поборников “холодной войны”, тем не менее нужно не только оставаться бдительными, но и удвоить бдительность. Ответ же противоборствующей стороне должен сводиться к демонстрации своих “бронетанковых мышц”.

Иначе оценивались апрельские события вокруг Западного Берлина в ФРГ. Как сообщало советское посольство в ФРГ в МИД СССР, в первые дни после заседания

⁷¹ Там же, л. 11.

⁷² Там же, л. 12.

⁷³ Там же, л. 8.

⁷⁴ Там же.

бундестага официальные боннские представители еще продолжали выступать с намеренно оптимистическими заявлениями о том, что ФРГ одержала важный политический успех в борьбе за Западный Берлин, “подтвердила свои права” на него, что заседания бундестага в городе будут отныне проводиться регулярно, что 30 апреля 1965 г. в Берлине состоится заседание бундесрата. Утверждалось также, что политический выигрыш от проведения заседания бундестага превышает негативные стороны этой акции, что население Западного Берлина и ФРГ спокойно перенесло все трудности, вызванные действиями СССР и ГДР, что оно знает, кто является “истинным виновником” этих трудностей⁷⁵.

В таком духе выступил Герстенмайер, который заявил, что польза от проведения заседания в Западном Берлине превышает его отрицательные стороны. Брандт высказал мнение, что Востоку не удалось добиться ослабления жизненно важных связей Западного Берлина с ФРГ, а Менде подчеркнул, что контрмеры СССР и ГДР “не смогли умалить прав бундестага и кабинета проводить заседания в германской столице”.

Но позднее в ФРГ вынуждены были признать, что дела обстоят не так хорошо, как их описывали ранее. Герстенмайер, который вел переговоры с представителями трех западных держав, заявил, что переговоры протекали “не в полной гармонии”, и сообщил, что о новом пленарном заседании бундестага в Западном Берлине пока не может быть и речи и что оно, видимо, не будет проведено в текущем году. Намечавшееся на 30 апреля 1965 г. заседание бундесрата было также отложено. “Такой поворот, — отмечалось в документе советского посольства в Бонне от 22 апреля 1965 г., — здесь связывают с нежеланием западных союзников ФРГ идти на дальнейшее обострение в Германии”. Поэтому “в политических кругах Бонна все больше стали высказываться реалистические оценки событий”⁷⁶. В ФРГ, в частности, отмечали тот факт, что ГДР выступала не только совместно с Советским Союзом, но и при поддержке остальных государств Варшавского договора. Именно так были истолкованы присутствие в ГДР главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами государств-участников Варшавского договора маршала А.А. Гречко и его встречи с руководящими деятелями ГДР⁷⁷.

Сами мероприятия СССР и ГДР, хотя и не было недостатка в рассуждениях относительно их незаконности и негуманного характера, были расценены частью западногерманских средств массовой информации как весьма серьезное предупреждение в адрес федерального правительства. Советское посольство обращало особое внимание на высказывания ряда газет ФРГ и других западных стран о том, что «боннские политики “вздохнули с облегчением”, когда “малый берлинский кризис” закончился»⁷⁸.

В ФРГ, констатировало советское посольство, признавали, что “проведение маневров западнее Берлина явилось очень удачным контршагом с нашей стороны, который предоставлял возможность в любое время прерывать сообщение с Западным Берлином не только на земле, но и в воздушных коридорах”⁷⁹. Для этого, по словам газеты “Генераль-анцайгер”, СССР и ГДР имели “внешне определенные оправдания”. В этих условиях любой протест западных держав “наполовину терял свою эффективность”, а Советский Союз имел возможность переадресовать его ГДР под тем предлогом, что его войска только принимали участие в маневрах войск ГДР⁸⁰.

Вопреки официальному мнению правительства ФРГ ряд влиятельных западногерманских газет, в частности, “Штутгартер Цайтунг” и орган деловых кругов “Хандельсблатт”, подвергли сомнению целесообразность проведенной в Западном Берлине акции с участием бундестага и пришли к выводу, что “в целом она закончилась не в

⁷⁵ Там же, ф. 742, оп. 10, д. 35, п. 36, л. 13.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же, л. 13–14.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ General-Anzeiger, 5.IV.1965.

пользу ФРГ”⁸¹. При этом подчеркивалось, что контршаги СССР и ГДР, например, запрещение Брандту проезда в Западный Берлин, не улучшили, а даже ухудшили статус-кво в Берлине для Запада.

Наконец, в ФРГ были серьезно восприняты предупреждения ГДР, что заседание в Западном Берлине не может не оказать отрицательного влияния на переговоры о новом соглашении о пропусках. В Бонне опасались, что правительство ГДР может аннулировать уже выданные пропуска на посещение западноберлинцами столицы ГДР в апреле–июне 1965 г. В ХДС/ХСС считали, что возможные меры ГДР в этом отношении нанесут большой урон пропагандируемой Брандтом политике “малых шагов” по пути улучшения отношений с ГДР⁸².

Что касается крайне правых кругов ФРГ, то в их рядах раздавались призывы к США принять решительные меры и направить танковые колонны по автобанам и истребители в воздушные коридоры и воздушное пространство над Берлином. Отказ трех западных держав пойти дальше формальных протестов, их сдержанная позиция в отношении заседаний бундстага и бундесрата в Западном Берлине вызвали сильное недовольство крайне правых. Газета “Ди Вельт” писала, что если союзники ничего не предпримут, то конечный результат кризиса будет не в пользу Запада⁸³.

Возможность возникновения более серьезного кризиса из-за Берлина, в который оказались бы втянутыми западные союзники ФРГ, а также мероприятия СССР и ГДР, направленные прежде всего против Западной Германии и не затрагивавшие существенно права трех держав, привели к росту разногласий между ними и Федеративной Республикой. Некоторые средства массовой информации ФРГ сетовали на то, что в глазах значительной части мирового общественного мнения ФРГ предстала как “государство – нарушитель спокойствия”. Так, газета “Вестдойче Альгемайне Цайтунг” писала: “Немецкое решение вновь провести заседание бундстага в Берлине было не везде правильно понято. Оно было расценено как акт политического наступления, который совсем не подходит к существующему политическому ландшафту”⁸⁴.

Всесторонне проанализировав итоги “малого берлинского кризиса”, советское посольство в ФРГ пришло к следующему заключению. “Провокационная затея западногерманских правящих кругов, – говорилось в документе посольства, направленном в МИД 22 апреля 1965 г., – окончилась неудачей. Наши мероприятия оказались весьма эффективными. Они показали, что Советский Союз и ГДР не собираются отступать от своих принципиальных позиций в германском вопросе и намерены решительно противодействовать любым подобным попыткам со стороны реваншистских кругов ФРГ в будущем”⁸⁵. “ФРГ, – говорилось далее в документе, – не смогла добиться подрыва авторитета ГДР”. Напротив, “наше совместное выступление способствовало его росту. События показали, что Германская Демократическая Республика является хозяином положения на путях сообщения между ФРГ и Западным Берлином. В то же время ФРГ была лишена возможности оказать какое-либо эффективное воздействие на ГДР”⁸⁶.

Советское посольство обратило внимание на то, что, по мнению многих представителей деловых кругов ФРГ, межгерманская торговля потеряла свое бывшее значение как средство экономического давления на ГДР. Подтверждение слабости и уязвимости позиций ФРГ в вопросе связей с Западным Берлином посольство видело и в выступлении Брандта со старым предложением о создании коридора между ФРГ и Западным Берлином и международного органа по контролю над ним⁸⁷.

Посольство давало также практические рекомендации своему МИД по работе на западноберлинском участке дипломатического фронта. Оно рекомендовало активно

⁸¹ АВП РФ, ф. 742, оп. 10, д. 35, п. 36, л. 14.

⁸² Там же, л. 14–15.

⁸³ Die Welt, 10.IV.1965.

⁸⁴ Westdeutsche Allgemeine Zeitung, 10.IV.1965.

⁸⁵ АВП РФ, ф. 742, оп. 10, д. 35, п. 36, л. 15.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

использовать в советской пропаганде на Запад и особенно в нейтральных странах обстоятельство, что часть правящих кругов ФРГ опасалась негативного восприятия мировым общественным мнением действий ФРГ в Западном Берлине. Посольство предупреждало, что сам факт проведения после более чем шестилетнего перерыва пленарного заседания бундстага будет использоваться правительством ФРГ для подкрепления своих притязаний на Западный Берлин. Советские дипломаты не исключали также, что “наши контрмероприятия, особенно полеты самолетов над Берлином, будут использованы для разжигания среди западногерманского и западноберлинского населения антисоветских настроений”⁸⁸. Эти предупреждения оказались своевременными и обоснованными.

Уже после того, как вспышка напряженности вокруг Западного Берлина почти угасла, СССР еще раз подтвердил свою позицию в нотах трем западным державам от 14 мая 1965 г. В советском документе отмечалось, что власти США, Англии и Франции в Германии, несмотря на протесты ГДР и неоднократные предостережения советской стороны, не только не приняли мер по предотвращению “опасной провакации” ФРГ в Западном Берлине, но и поддержали ее и фактически стали ее соучастниками. СССР обвинял западные державы в незаконном использовании воздушных трасс над ГДР для переброски в Западный Берлин участников “реваншистской демонстрации” ФРГ. Тем самым США, Англия и Франция нарушили четырехсторонние соглашения, на которые они ссылались в ноте от 7 апреля 1965 г. Что касается Советского правительства, то оно «никогда не брало на себя обязательства обеспечивать “свободу доступа” в Западный Берлин реваншистам и милитаристам из ФРГ, не имеющим никакого отношения к этому городу»⁸⁹. Относительно учений ГСВГ и ННА в ноте говорилось, что они проводились по плану.

Смысл советской ноты сводился, однако, не к изложению трактовки четырехсторонних соглашений, а к предостережению, что если “провокации реваншистско-милитаристских сил” ФРГ будут допускаться в Западном Берлине и в дальнейшем, то Советское правительство “может оказаться вынужденным принять такие эффективные меры, которые сочтет необходимыми в связи со взятым на себя обязательством по обеспечению неприкосновенности Германской Демократической Республики и недопущению незаконных действий в отношении Западного Берлина”⁹⁰.

Завершающим аккордом в нотной переписке по апрельским событиям вокруг Западного Берлина стали короткие ноты трех западных держав Советскому правительству от 18 июня 1965 г. В них подчеркивалось, что позиция США, Англии и Франции в вопросе о проведении заседаний федеральных органов в Западном Берлине остается неизменной. Три западные державы также настаивали на том, что они “имеют право неограниченного доступа по воздуху в Берлин и из Берлина. Это право вытекает из совместной оккупации Германии, и было подтверждено четырехсторонними соглашениями, устанавливающими воздушные коридоры Берлина”⁹¹.

8 июля 1965 г. заведующий Третьим европейским отделом МИД СССР И.И. Ильичев, сообщая заместителю министра иностранных дел В.В. Кузнецову о нотах правительств США, Англии и Франции, сформулировал мнение своего отдела: “Поскольку позиция СССР была подробно изложена в нотах от 23 марта и 14 мая с. г., а нота западных держав от 18 июня не содержит никаких новых моментов, полагали бы целесообразным переписку по этому вопросу прекратить”⁹². Руководство МИД согласилось с мнением Третьего европейского отдела; переписка была прекращена.

После “малого кризиса” позиция СССР в берлинских делах по-прежнему оставалась более умеренной, чем позиция ГДР. Восточный Берлин считал, что любое проявление присутствия ФРГ в Западном Берлине должно повлечь за собой “решительный

⁸⁸ Там же, л. 16.

⁸⁹ Сборник основных документов, с. 334.

⁹⁰ Там же, с. 335.

⁹¹ Там же.

⁹² АВП РФ, ф. 742, оп. 10, д. 35, п. 36, л. 24.

протест” со стороны Москвы. Руководство СССР рассматривало этот вопрос по-другому. В беседе с высокопоставленными восточногерманскими дипломатами, состоявшейся 20 июля 1965 г., заместитель министра иностранных дел СССР В.С. Семенов заявил: “Ну что такое визит британской королевы в Западный Берлин? Это не из тех событий, которые влияют на мировую политику. Было бы неверно реагировать в таких случаях каждый раз протестами... При действительно серьезных случаях надо и соответствующим образом хлопнуть по столу. Это доказала наша совместная реакция на заседание бундестага в Западном Берлине, и советская сторона и в дальнейшем будет действовать так по подобным поводам”⁹³.

В результате “малого кризиса” ни одна из сторон не изменила своих позиций и не добилась серьезных преимуществ в западноберлинском вопросе. СССР по-прежнему был готов к решительным действиям в случае масштабных акций ФРГ в Западном Берлине, но считал излишним жестко реагировать на “булавочные уколы”. Точка зрения ГДР тоже не изменилась: ГДР настаивала на “отрезвляющих контрмерах” при любом проявлении присутствия ФРГ в городе. Западные державы, ссылаясь на четырехсторонние соглашения 1944–1945 гг., продолжали настаивать прежде всего на своем праве свободного доступа в Западный Берлин и недопустимости каких-либо действий СССР и ГДР, которые препятствовали бы такому доступу. ФРГ, как и прежде, заявляла о праве проводить пленарные заседания бундестага в Западном Берлине, ссылаясь, в частности, на то, что Народная палата ГДР постоянно заседает в Восточном Берлине. Западноберлинский сенат поддерживал точку зрения правительства ФРГ и подчеркивал необходимость дальнейшей интеграции города в состав западногерманской федерации, не отказываясь при этом от “малых шагов” по улучшению отношений с ГДР⁹⁴.

СССР и ГДР убедительно продемонстрировали силу своей “бронетанковой мускулатуры”. Вместе с тем они показали мировому сообществу, где проходят границы их возможностей: одновременно все пути доступа в Западный Берлин – наземные и воздушные – не перекрывались ни разу. ФРГ, хотя и провела заседание своего парламента в Западном Берлине, но масштабы реакции СССР и ГДР на это заседание “ошеломили федеральное правительство и бундестаг”⁹⁵. По словам Винцера, одна из целей СССР и ГДР как раз и заключалась в том, чтобы “побудить боннское правительство мыслить реалистически”⁹⁶. Западные державы, разрешив правительству ФРГ провести заседание бундестага в Западном Берлине, сразу же после 7 апреля 1965 г. рекомендовали Бонну воздержаться в ближайшем будущем от подобных мероприятий. В ходе апрельских событий и западные державы, и Советский Союз действовали осторожно, избегая опрометчивых шагов и стараясь не приближаться к опасной черте. Западногерманское телевидение (ЦДФ) подытожило эти события фразой из спортивной терминологии: “Боевая ничья, счет 1:1”⁹⁷.

“Малый берлинский кризис” 1965 г. свидетельствовал о том, что вокруг Западного Берлина по-прежнему сохранялась сложная обстановка, чреватая неожиданными и опасными вспышками международной напряженности. Западноберлинский вопрос, как и прежде, требовал своего взвешенного, сбалансированного, учитывающего позиции всех заинтересованных сторон решения.

⁹³ Цит. по: *Филитов А.М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании 1941–1990, с. 283.

⁹⁴ Уже 12 апреля 1965 г., сразу же после завершения учений Группы советских войск в Германии и Национальной народной армии ГДР, в соответствии с соглашением между западноберлинским сенатом и правительством ГДР от 24 сентября 1964 г., начался третий период посещений западноберлинцами столицы ГДР, которую в первый же день посетили 12,5 тыс. жителей Западного Берлина. – АВП РФ, ф. 56-6, оп. 24, д. 360, п. 979, л. 7-ВЕ.

⁹⁵ *Der Spiegel*, 14.IV.1965.

⁹⁶ АВП РФ, ф. 166, оп. 16, д. 179, р. 83, л. 16.

⁹⁷ Из личного архива автора, находившегося в 1965–1966 гг. в Восточном Берлине на стажировке в Университете им. Гумбольдта.